

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ПРАВОВАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

Е.А. Жарких¹, А.М. Максимов², Л.А. Прохоров¹

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

² Нижегородский областной суд, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
20 апреля 2021 г.

Дата принятия в печать
21 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения
2 июля 2021 г.

Ключевые слова

Рецидив преступлений;
множественность преступлений;
уголовная ответственность;
дифференциация уголовной
ответственности; санкция уголовно-
правовой нормы; индивидуализация
наказания; превенция;
профессиональная преступность;
организованная преступность

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления теоретических взглядов, концепций сущности рецидива преступлений, лежащей в основе формирования профессиональной и организованной форм преступности, тенденции генезиса которых в XX и XXI вв. представляют особую опасность для мирового сообщества. Отмечено, что проблемы противодействия рецидивной преступности освещали в своих работах представители различных периодов развития криминологической и уголовно-правовой доктрин. При этом авторы статьи констатируют, что в современной мировой правотворческой деятельности сложилось несколько принципиально отличающихся подходов к оценке рецидива преступлений применительно к дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Повышенная опасность рецидива преступлений обуславливает и особые подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности, определению ее пределов в нормах Особенной части уголовных законов при наличии рецидива. Показаны основные этапы становления института рецидива преступлений и его влияния на дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию наказания в российском законодательстве. При этом рассмотрены основные функциональные роли института рецидива преступлений: обеспечение дифференциации уголовной ответственности по признаку рецидива, определение пределов ее применения и условий освобождения; осуществление регламентации алгоритма индивидуализации наказания при рецидиве преступлений; определение вида исправительного учреждения, назначаемого виновному при наличии рецидива преступлений; исполнение наказания.

В мировой правотворческой деятельности сложилось два основных подхода к оценке рецидива преступлений применительно к дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Первый подход к установлению пределов наказания при рецидиве преступлений зиждется на оценке личности совершившего преступление, а второй подход предполагает перенос акцента с личности виновного на совершаемые им преступления, рецидив преступлений. Особо отмечено, что при общей принципиально положительной роли института рецидива преступлений в системе действующего УК РФ имеют место определенные противоречия в подходе законодателя к его регламентации, оказывающие влияние на дифференциацию уголовной ответственности. Эти противоречия связаны с существенным корректированием содержания ч. 2 ст. 68 УК РФ, внесенным Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Им установлено, что срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, причем оно должно быть ограничено пределами санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Следовательно, введением этой уголовно-правовой нормы в систему законодательства нейтрализовано требование, закрепленное в ч. 5 ст. 18 УК РФ, о том, что наличие рецидива преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных Кодексом, и утрачена превентивная роль анализируемой уголовно-правовой нормы, которую она выполняла в прежней редакции. Поэтому в статье сформулированы рекомендации по совершенствованию содержания ч. 2 ст. 68 УК РФ и представлена ее редакция.

RECIDIVISM AS LEGAL BACKGROUND FOR THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY: CONCEPTUAL APPROACHES OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATORS

Ekaterina A. Zharkikh¹, Afet M. Maksimov², Leonid A. Prokhorov¹

¹ *Kuban State University, Krasnodar, the Russian Federation*

² *Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 April 20

Accepted

2021 June 21

Available online

2021 July 2

Keywords

Recidivism; multiple crimes; criminal liability; differentiation of criminal liability; sanction of criminal law; individualization of punishment; prevention; professional crime; organized crime

Abstract. The authors examine key stages of the development of theoretical views and concepts of the essence of recidivism lying at the basis of the emergence of professional and organized crime, whose genesis trends pose a special danger for the global community in the 20th and the 21st centuries. It is noted that the problems of counteracting repeat offences were discussed by scholars of different periods of the development of criminological and criminal law doctrines. Besides, the authors state that in contemporary lawmaking practice in the world there are several radically different approaches to the assessment of repeat offences in terms of the differentiation of criminal liability and individualization of punishment. A heightened danger of repeat offences dictates special approaches of lawmakers to the differentiation of criminal liability, to determining its limits in the norms of the Special Parts of criminal legislation in cases of recidivism. The authors describe key stages of the development of the institute of repeat offences and its influence on the differentiation of criminal liability and individualization of punishment in the Russian legislation. They examine key functional roles of the institute of repeat offences: ensuring the differentiation of criminal liability depending on recidivism, determining the limits of its use and the conditions of release; regulation of the algorithm of the individualization of punishment for repeat offences; determining the type of correctional institution to which the offender is allocated in cases of recidivism; execution of punishment. There are two key approaches to assessing repeat offences in terms of the differentiation of criminal liability and the individualization of punishment in the lawmaking practice in the world. The first approach to determining the limits of punishment in case of a repeat offence is based on assessing the personality of the offender, while the second presupposes shifting the emphasis from the personality of the offender to the committed crimes, to recidivism. The authors specifically stress that while the general role of the institute of repeat offences is positive, there are some contradictions in the system of the current Criminal Code of the Russian Federation regarding the lawmakers' approach to its regulation that have an impact on the differentiation of criminal liability. These contradictions are connected with considerable changes in the contents of Part 2, Art. 68 of the Criminal Code of the Russian Federation introduced by the Federal Law of Dec. 8, 2003 № 162-ФЗ. It states that the term of punishment of any type of repeat offence cannot be under one third of the maximum term for the strictest type of punishment, and it should be restricted by the limits of the sanction in the corresponding article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Consequently, the introduction of this criminal law norm in the legislative system neutralized the requirement of Part 5, Art. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which repeat offences lead to stricter punishments on the basis and within the limits provided in the Code, while the preventive role of the analyzed criminal law norm that it played in the previous version is lost. In this connection, the authors formulate recommendations on improving the contents of Part 2, Art. 68 of the Criminal Code of the Russian Federation and present its version.

Представители основных школ в науке уголовного права признавали и признают рецидивную преступность крайне вредоносной болезнью социума, требующей принятия радикальных мер противодействия ей¹.

¹ Рецидив (от лат. *recidivus* — возвращающийся) в Большой советской энциклопедии определен как возврат, повторение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения [1].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой рецидив определяется как повторное проявление чего-нибудь отрицательно-го [1, с. 678].

Именно этот феномен лежит в основе формирования профессиональной и организованной форм преступности, тенденции генезиса которых в России, как, впрочем, и во всем мире, в XX и XXI вв. представляют особую опасность для

общества. Увеличение количества рецидивных преступлений актуализирует поиск оптимальных решений по их предупреждению, что тесно связано с организацией борьбы с преступностью вообще [2]. Проблема противодействия рецидивной преступности как в целом, так и отдельным ее разновидностям находится в центре внимания как отечественной, так и зарубежной уголовно-правовой и криминологической доктрин [3–8].

Следует отметить, что *впервые* вопросы предупреждения рецидива преступлений стали разрабатываться Платоном. Особый интерес представляет его учение о преступлениях и наказаниях, изложенное в основном в IX–X книгах «Законов» [9], где автор дает оценку повторяемости преступных деяний.

Однако наиболее значительный вклад в развитие научного понимания рецидива преступлений внес Ч. Беккариа, идеи которого касались определения основных институтов уголовного права, в том числе и названного [10]. Подходы автора к исследованию института рецидива преступлений получили положительную оценку в работах И. Канта [11] и Г.В.Ф. Гегеля [12]. Практическая реализация уголовно-правового института рецидива в системе уголовного права была представлена Ж.-П. Маратом в труде «План уголовного законодательства» [13].

Необходимо отметить особый подход к идеям назначения наказания Ш. Монтескье, которого по праву называют «отцом уголовной политики как научной дисциплины». Он обращал внимание законодателя на необходимость более тщательной дифференциации наказания, отмечая при этом, что жестокость последнего только укореняет жестокие нравы у народа. Поэтому целесообразно руководствоваться идеей «умеренности наказания», а доброму законодателю следует обращать внимание не столько на наказание за преступление, сколько на предупреждение такового [14].

Прогрессивные идеи Ш. Монтескье были продолжены Вольтером, также выступавшим против необоснованной жестокости уголовного наказания, отдававшим приоритет его предупредительной роли, развившим учение о превенции как важнейшей мере в борьбе с повторными преступлениями (рецидивом) [15].

Второе направление в исследовании природы, причин возникновения и закономерностей развития рецидива преступлений связано с работами основоположника антропологиче-

ской школы Ч. Ломброзо и его сторонников. По их мнению, основным объектом при изучении института рецидива должен стать преступник, а не преступление. Таким образом, фактически уголовное право следует заменить уголовной антропологией [16].

Как известно, попытки примирить основные конкурирующие идеи классической и антропологической школ были предприняты сторонниками социологического направления в уголовно-правовой науке. Наиболее известный ее представитель Франц фон Лист отмечал, что «каждое преступление есть, с одной стороны, продукт личности преступника, а с другой — тех общественных условий, под влиянием которых преступник находится в момент совершения преступления, т.е. продукт одного индивидуального фактора и бесчисленных общественных факторов». При этом рецидивная преступность, согласно его представлениям, является «более угрожающим симптомом, чем рост числа преступлений, основанных на насилии, грубости и невежественности» [17].

Подобный интерес представителей различных школ уголовного права к институту рецидива преступлений обусловлен еще и тем, что он выполняет одну из важнейших ролей в формировании и структуре организованной преступности. Необходимо особо подчеркнуть, что рецидив входит в систему основных понятий не только уголовного права, но и криминологии, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Повышенная опасность названного феномена обуславливает и особые подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности, определению ее пределов в отдельных нормах Особенной части УК при его наличии. В рамках настоящей работы нами будет обращено основное внимание именно на эту роль рецидива.

Дифференциация (от лат. *differentia* — различие) в общем понятии — это разделение, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и ступени [1, с. 168]. Законодатель и представители правовой науки широко используют данный термин при построении института юридической ответственности. В научных трудах, посвященных проблемам уголовного права, проблеме дифференциации уголовной ответственности уделено особое внимание [18]. Она рассматривается авторами как явление, представляющее собой направление развития, принцип, руководящую идею права вообще

и тенденцию уголовно-правовой политики в частности [19]. Дифференциация уголовной ответственности при наличии рецидива преступлений осуществляется посредством формулирования квалифицирующих признаков, связанных с предыдущим осуждением лица за умышленные преступления [20].

В реализации этой законодательной деятельности институту рецидива преступлений отведены особые *функциональные роли*, которые заключаются в следующем: обеспечение дифференциации уголовной ответственности по признаку рецидива, определение пределов ее применения и условий освобождения; осуществление регламентации алгоритма индивидуализации наказания при рецидиве преступлений; определение вида исправительного учреждения, назначаемого виновному при наличии рецидива преступлений [21].

В последнее время соответствующие нормотворческие решения законодателя способствовали введению в юридической литературе в правовой и профессиональный оборот понятий «административно-криминообразующий рецидив», обуславливающий трансформацию административного правонарушения в преступление вследствие неоднократности его совершения² [22], а также «административная преюдиция» [23; 24]. В литературе предложено называть подобные действия «деликтным рецидивом» [25, с. 39].

Следует отметить, что законодатели разных стран ищут наиболее эффективные и «нормативно обоснованные» решения по оценке рецидивного поведения лица, совершающего несколько преступлений. В мировой правотворческой деятельности сложилось два основных подхода к оценке рецидива преступлений применительно к дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, причем принципиально различающихся. *Первый подход* к установлению пределов наказания при рецидиве преступлений зиждется на оценке *личности* совершившего преступление. При этом личностные признаки, характеризующие субъект преступления, *не влияют на квалификацию совершенного им деяния*. Классическим образцом такого подхода яв-

ляется Уголовный кодекс Франции, в который законодатель включил подотдел 2 «О наказаниях, применяемых в случае рецидива» [26]. В статьях 132-8, 132-9, 132-10, 132-11 УК Франции определен порядок назначения наказания при рецидиве для физических лиц (для юридических лиц предусмотрен особый порядок назначения наказания — ст. 132-12 — 132-16-1 УК). Например, в ст. 132-8 УК в качестве критериев определения меры уголовного наказания законодатель определил следующие положения: а) лицо ранее уже было осуждено окончательно за преступление, подлежащее наказанию по закону *в виде 10 лет тюремного заключения*; б) им совершено новое преступление, *максимальное наказание* за которое составляет *20 или 30 лет*; в) *максимум* назначенного уголовного заключения или уголовного заточения для данного лица за это преступление будет *пожизненным*. Если за ранее совершенное преступление предусмотрено *15 лет*, то за вновь совершенное преступление максимум наказания увеличивается до *30 лет* уголовного заключения или уголовного заточения.

Уголовный кодекс Швейцарии в регламентации ответственности за рецидивные преступления в определенной степени схож с законодательством Франции [27]. Так, в ст. 67 УК «Рецидив» закреплены положения, необходимые для признания наличия рецидива: а) лицо было приговорено к каторжной тюрьме или тюремному заключению; б) ко времени совершения рассматриваемого преступного деяния еще не прошло пяти лет с момента полного или частичного отбытия наказания в виде каторжной тюрьмы или тюремного заключения за предыдущее преступление; в) судья повышает меру наказания до максимального размера наказания, установленного законом для данного вида.

Законодательство Федеративной Республики Германия не содержит термина «рецидив», однако в статьях Особенной части УК ФРГ достаточно широко используется термин *промысел*: § 146 УК — подделка денежных штрафов; кража (ч. 3 § 243 УК); приобретение имущества противоправным путем (§ 260 УК), а также § 260а, 263, 267, 284, 291, 292, 335, 338 УК. Законодатель ФРГ лишь в ч. 4 § 176а УК [28] признает в качестве отягчающего то обстоятельство, что «лицо за последние пять лет уже осуждалось за подобное деяние, и приговор имел законную силу», т.е. по сути речь идет о *специальном рецидиве*.

² Механизм воздействия «административно-криминообразующего рецидива» использован законодателем при конструировании ряда составов преступлений в разных главах УК РФ (ст. 116.1; 151.1; 157; 158.1; 212.1; 215.4; 264.1; 284.1; ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

Наиболее обстоятельная регламентация ответственности при наличии рецидива преступлений закреплена в Уголовном кодексе Турции [29]. Этому посвящен раздел восьмой «Рецидив преступлений», включающий ст. 81–88. Базовой является статья 81 УК Турции, содержащая следующие основные положения:

– *часть 1*: а) наказание за вновь совершенное правонарушение увеличивается на одну шестую, если оно совершено в течение десяти лет после *отбытия* лишения свободы или *погашения* последствий наказания на срок более пяти лет; б) если были назначены иные наказания, то в течение пяти лет после их отбытия или погашения;

– *часть 2*: если новое правонарушение одного вида с предыдущим, повлекшим осуждение, то назначаемое наказание увеличивается от одной шестой до одной трети (так называемый специальный рецидив).

При рассмотрении проблем дифференциации уголовной ответственности при рецидиве преступлений нельзя не отметить особенности подхода к ее регламентации в Японии. Законодатель этой страны в структуре Уголовного кодекса выделил главу 10 — «Рецидив преступлений», включив в нее четыре статьи. Однако термин «рецидив преступлений» в содержании этих статей ни разу не употреблен. Уголовный закон применяет следующие обороты: ст. 56 УК (повторное преступление); ст. 57 УК (наказание за повторное совершение преступления); ст. 59 УК (троекратное и более совершение преступления).

Уголовное законодательство России до 1917 г., как и законодательство многих зарубежных стран, включало термин «повторение» преступления, а не рецидив. Так, в отечественном праве впервые «повторение преступления» упоминалось в 1397 г. в Псковской судной грамоте (ст. 8) и Двинской уставной грамоте (ст. 5). Впервые на Руси эти грамоты устанавливали повышенную ответственность за рецидивное совершение преступлений [30]. На вид и размер наказания за татьбу в Уложении 1649 г. влияли не ценность и размер похищенного, а факт рецидива. В эпоху Петра Первого наличие рецидива также влекло более суровое наказание. Например, в соответствии с артикулом 189 «надлежит вора первые шестью сквозь полк прогнать шпиц-рутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу» [31, с. 10].

Наиболее полная регламентация дифференциации наказания при рецидиве преступлений была предусмотрена Уложением о наказа-

ниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 138 которого устанавливала правила назначения наказания за повторность (в том числе рецидив) преступления, *когда она не была указана в качестве квалифицирующего признака*: «В случаях, когда закон не назначает именно наказание за повторение того же преступления или же учинение оного в третий или четвертый раз и т.д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление, или повторение оного, или же за учинение в третий раз определенного». При этом следует особо подчеркнуть принципиальную позицию дореволюционного российского законодателя, предусматривающего существенное усиление ответственности за рецидив преступления. Причем он рассматривал это *не как право, а как обязанность* суда увеличить наказание, и притом в размерах, указанных в законе. При этом законодатель исходил из того, что *только при постоянном неизбежном усилении наказания, возрастающем при совершении лицом каждого нового умышленного преступления, возможны позитивные результаты сокращения рецидивной преступности*.

В уголовных кодексах послереволюционной России (1922, 1926, 1960 гг.) законодатель с учетом исторического законодательского опыта и доктринальных концепций множественности преступлений (разнородных или однородных) закрепляет в их числе институт *рецидива*³ [32]. Важнейшим этапом становления института рецидива можно также признать дополнение УК РСФСР 1960 г. статьей 24.1, в которой было закреплено понятие *особо опасного рецидивиста*. Законодатель с учетом качественных и количественных критериев выделил четыре группы лиц, считающихся таковыми. Суд при признании лица особо опасным рецидивистом учитывал личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства

³ Множественность преступлений (разнородных или однородных) встречается достаточно часто, почти 50 % осужденных были ранее судимы или совершали несколько преступлений до привлечения к уголовной ответственности. Наличие факта множественности преступлений свидетельствует о более высокой степени общественной опасности лица, о наличии у него более устойчивых антиобщественных установок. Поэтому возникает необходимость предусматривать усиление уголовной ответственности за совершение нескольких преступлений.

дела. При решении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом *не учитывалась* судимость за преступление, совершенное этим лицом в возрасте до 18 лет, а также судимость, снятая или погашенная в установленном законом порядке [33].

Второй подход к установлению пределов наказания при рецидиве *предполагает перенос акцента с личности на совершаемые преступления — рецидив преступлений*: ст. 18 («Рецидив преступлений») и 68 УК РФ («Назначение наказания при рецидиве преступлений»). Характерно то, что все формы множественности, получившие закрепление в действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г., основаны на повторном совершении преступления *одним и тем же лицом*. В принципе, речь идет о рецидиве в разнообразном его проявлении, но с позиции уголовного закона он как таковой будет иметь место в том случае, если: а) лицом совершено два или более преступлений; б) преступления должны быть умышленными; в) лицо ранее уже было осуждено за совершение умышленного преступления; г) преступления совершены лицом, достигшим 18 лет; д) судимость у данного лица не погашена и не снята.

Однако нельзя не отметить, что законодатель в дальнейшем проявил определенную непоследовательность в регламентации ответственности за повторные (рецидивные) преступления, внося серьезные изменения в систему соответствующих уголовно-правовых норм. Базовыми в этой системе являются ст. 18 («Рецидив преступлений»), 15 («Категории преступлений»), 68 («Назначение наказания при рецидиве преступлений») и 86 («Судимость») УК РФ [34]. Сформулированные в них нормы и определяют основные функциональные роли уголовно-правового института рецидива преступлений, среди которых:

- обеспечение дифференциации уголовной ответственности по признаку рецидива преступлений, определение пределов ее применения и условий освобождения;

- регламентация процесса индивидуализации наказания при рецидиве преступлений, обусловленная тем, что повышенная опасность рецидивной преступности заключается прежде всего в опасности самой личности преступника, повторно совершающего преступные деяния; данное обстоятельство и требует ужесточения наказания виновному при наличии рецидива;

- определение вида исправительного учреждения, назначаемого виновному при нали-

чии рецидива преступлений, как предпосылка практического достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

Федеральными законами внесены и иные принципиальные изменения в институт множественности преступлений, оказавшие существенное влияние на роль рецидива в обеспечении дифференциации уголовной ответственности, а равно индивидуализации наказания и его исполнения. В первую очередь следует отметить положения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Во-первых, из системы УК РФ была исключена ст. 16 («Неоднократность преступлений»). Соответственно, в 52 нормах Особенной части УК РФ *неоднократность* совершения деяния утратила роль квалифицирующего признака, существенно влияющего на дифференциацию уголовной ответственности. Например, санкция ч. 1 ст. 131 УК РФ предусматривала за изнасилование максимальное наказание в виде шести лет лишения свободы. При неоднократном совершении изнасилования (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ) максимальное наказание было установлено уже до десяти лет лишения свободы.

Во-вторых, в 24 нормах Особенной части УК РФ был исключен квалифицирующий признак — *наличие прежней судимости* за однородное либо тождественное преступление. Поэтому основная нагрузка по обеспечению уголовно-правовой регламентации ответственности при наличии рецидива преступлений была возложена на ст. 68 УК РФ, содержание которой законодатель также существенно скорректировал, внося недостаточно обоснованные изменения.

Первоначальная редакция этой статьи, по нашему мнению, соответствовала требованиям дифференциации уголовной ответственности при рецидиве преступлений. Во-первых, положения ч. 2 ст. 68 УК РФ вполне отвечали принципу справедливости (ст. 6, ч. 5 ст. 18 и ч. 1 ст. 60 УК РФ): а) при простом рецидиве преступлений срок наказания не может быть ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания; б) при опасном рецидиве преступлений он не может быть ниже двух третей максимального срока; в) при особо опасном рецидиве — ниже трех четвертей максимального срока наиболее строгого наказания, установленного законом за совершенное преступление.

Во-вторых, ч. 3 ст. 68 УК РФ содержала четкое требование для суда *назначать наказание*

при любом виде рецидива преступлений без учета отмеченных в ч. 2 этой статьи положений, если статья Особенной части Кодекса содержит указание на судимость лица, в отношении которого будет вынесен обвинительный приговор. Следовательно, положения соответствующих статей Общей и Особенной частей Уголовного кодекса были четко скорректированы, что вполне отвечало *принципу законности* (ст. 3 УК РФ), но из действующей редакции данной статьи это положение исключено. Но при этом одновременно законодатель создает квалифицированные составы преступлений по признаку рецидива, устанавливая суровые санкции. Например, ч. 5 ст. 131 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ) предусматривает лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы за изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, *имеющим судимость* за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Аналогичный подход к построению санкций и регламентации назначения наказания при наличии рецидива преступлений закреплен в ст. 132, 134, 135 УК РФ. Следовательно, допущено определенное разногласие отмеченных уголовно-правовых норм.

К сожалению, в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в анализируемую статью 68 УК РФ законодатель внес принципиальные изменения. Особенно это касается существенного корректирования содержания ч. 2 этой статьи, которая установила, что срок наказания при *любом виде рецидива* преступлений не может быть *менее одной третьей части максимального срока* наиболее строгого вида наказания. Причем оно должно быть ограничено пределами санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Следовательно, требование, провозглашенное в ч. 5 ст. 18 УК РФ, о том, что наличие рецидива преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных Кодексом, а *также иные последствия, им предусмотренные* (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ), реализовано быть не может.

Указанную ситуацию, касающуюся назначения наказания при рецидиве преступлений, еще более осложняют положения, закрепленные в ч. 3 ст. 68 УК РФ. Законодатель предоставляет суду право при любом виде рецидива назначить наказание *менее одной трети* максимального

наказания, предусмотренного за совершенное преступление, однако в пределах санкции. Но более того, в этой же части ст. 68 УК РФ установлено право суда при наличии исключительных смягчающих обстоятельств (ст. 64 УК РФ) назначить наказание ниже низшего предела. По нашему мнению, отмеченное нами соотношение положений ч. 2 ст. 68 УК РФ, имеющей императивный характер, и ч. 3 ст. 68 УК РФ, предусматривающей возможность нарушения этого императива, необходимо уточнить [35].

Таким образом, подводя итоги анализа закономерностей института рецидива преступлений как правовой предпосылки дифференциации уголовной ответственности, можно сформулировать следующие выводы:

1. Рецидив преступлений лежит в основе формирования профессиональной и организованной форм преступности, тенденции генезиса которых в России, как, впрочем, и во всем мире, в XX и XXI вв. представляют особую опасность для общества [36]. Увеличение количества рецидивных преступлений актуализирует поиск оптимальных решений по их предупреждению.

2. Институт рецидива преступлений оказывает принципиальное влияние на основные уголовно-правовые институты, посвященные квалификации преступлений; дифференциации уголовной ответственности; назначению наказания; выбору вида исправительного учреждения для осужденного.

3. Рецидив преступлений входит в систему основных понятий не только уголовного права, но и криминологии, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Повышенная опасность названного феномена обуславливает и особые подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности, определению ее пределов в отдельных нормах Особенной части УК.

4. Основные *функциональные роли* института рецидива преступлений заключаются в следующем: обеспечение дифференциации уголовной ответственности по признаку рецидива, определение пределов ее применения и условий освобождения; осуществление регламентации алгоритма индивидуализации наказания при рецидиве преступлений; определение вида исправительного учреждения, назначаемого виновному при наличии рецидива преступлений, как важнейшая предпосылка практического достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

5. Соответствующие нормотворческие решения законодателя способствовали введению в научный, правовой и профессиональный оборот понятий «административно-криминообразующий рецидив», обуславливающий трансформацию административного правонарушения в преступление вследствие неоднократности его совершения, а также «административная преюдиция», «деликтный рецидив».

6. В мировой правотворческой деятельности сложилось два основных подхода к оценке рецидива преступлений применительно к дифференциации уголовной ответственности и пенализации. *Первый подход* к установлению пределов наказания при рецидиве преступлений зиждется на оценке личности совершившего преступление. При этом личностные признаки, характеризующие субъекта преступления, влияют не на квалификацию совершенного им деяния, а на назначение виновному наказания.

Второй подход к установлению пределов наказания при рецидиве предполагает перенос акцента с личности виновного на совершаемые им преступления — рецидив преступлений: ст. 18 («Рецидив преступлений») и 68 УК РФ («Назначение наказания при рецидиве преступлений»).

7. Первоначальная редакция ч. 2 ст. 68 УК РФ соответствовала требованиям дифференциации уголовной ответственности при рецидиве преступлений и вполне отвечала принципу справедливости: а) при простом рецидиве преступлений срок наказания не может быть ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания; б) при опасном рецидиве

преступлений он не может быть ниже двух третей максимального срока; в) при особо опасном рецидиве — ниже трех четвертей максимального срока наиболее строгого наказания, установленного законом за совершенное преступление.

8. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ законодатель внес принципиальные изменения в редакцию ч. 2 ст. 68 УК РФ, установив, что срок наказания при *любом виде рецидива* преступлений не может быть *менее одной третьей части максимального срока* наиболее строгого вида наказания, и оно должно быть ограничено пределами санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Такой подход противоречит требованию, закрепленному в ч. 5 ст. 18 УК РФ, о том, что наличие рецидива преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных Кодексом. Поэтому предложено изложить ч. 2 ст. 68 УК РФ в следующей редакции: «Срок наказания при простом рецидиве не может быть ниже двух третей от максимального срока наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершенное преступление; при опасном рецидиве преступлений срок наказания увеличивается на одну треть, при особо опасном рецидиве преступлений — наполовину от максимального срока наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если рецидив предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса в качестве признака преступления, эти правила назначения наказания не применяются».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : А ТЕМП, 2006. — 944 с.
2. Прохоров Л.А. Проблемы повышения эффективности социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова // Общество и право. — 2011. — № 3. — С. 208–213.
3. Chainey S. Examining the Extent to which Repeat and Near Repeat Patterns can Prevent Crime / S. Chainey, S. Curtis-Ham, R.M. Evans, G. Burns // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. — 2018. — Vol. 41, iss. 5. — P. 608–622.
4. Humphrey T. Measurement Matters: Offense Types and Specialization / T. Humphrey, E.G. Van Brunschot. — DOI 10.1177/0886260517729401 // Journal of Interpersonal Violence. — 2021. — № 36 (1-2). — P. 46–69.
5. Leung P.C. To Reoffend or Not to Reoffend? An Investigation of Recidivism Among Individuals With Sexual Offense Histories and Psychopathy / P.C. Leung, J. Looman, J. Abracen // Sex Abuse. — 2021. — Vol. 33, iss. 1. — P. 88–113.
6. Lovell D. Recidivism and Use of Services Among Persons with Mental Illness after Release from Prison / D. Lovell, G.J. Gagliardi, P.D. Peterson // Psychiatric Services. — 2002. — Vol. 53, iss. 10. — P. 1290–1296.
7. Examining Sanction Type and Drug Offender Recidivism: A Register-Based Study in Finland / B.L. Miller, N. Ellonen, J.H. Boman [et al.] // American Journal of Criminal Justice. — 2021. — 7 Jan. — URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs12103-020-09592-8.pdf>.
8. Solitary Confinement of Inmates Associated With Relapse Into Any Recidivism Including Violent Crime: A Systematic Review and Meta-Analysis / M. Luigi, L. Dellazizzo, Ch.-É. Giguère [et al.]. — DOI 10.1177/1524838020957983 // Trauma Violence Abuse. — 2020. — Sept. 16.
9. Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 3 / Платон. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2007. — 526 с.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. — Москва : Инфра-М, 2004. — 184 с.

11. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / И. Кант ; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — Москва : Мысль, 1965. — 544 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с.
13. Марат Ж.-П. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1 / Ж.-П. Марат ; сост. В.П. Волгин, А.З. Манфренд. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — 360 с.
14. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения / Ш. Монтескье. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 800 с.
15. Вольтер Ф. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / Ф. Вольтер. — Москва : Госюриздат, 1956. — 339 с.
16. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Женщина-преступница и проститутка. Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо. — Минск : Попурри, 1998. — 387 с.
17. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист. — Москва : Инфра-М, 2004. — 103 с.
18. Кригер Г.А. Дифференциация оснований и пределов уголовной ответственности / Г.А. Кригер // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1980. — 296 с.
19. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. — Москва : Норма, 2000. — 400 с.
20. Максимов А.М. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против безопасности животного мира: дискуссионные аспекты законодательной регламентации / А.М. Максимов // Российский следователь. — 2014. — № 18. — С. 27–30.
21. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 300 с.
22. Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения / Е.А. Жарких // Российский следователь. — 2016. — № 19. — С. 23–26.
23. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-п) / А. Иванчин // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 50–53.
24. Прохорова М.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra / М.Л. Прохорова, Е.Б. Лупарев, М.Г. Горенко // Общество: политика, экономика, право. — 2019. — № 12. — С. 40–46.
25. Дворников А. Проблемы уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения / А. Дворников // Уголовное право. — 2017. — № 2. — С. 39–46.
26. Уголовный кодекс Франции (принят в 1992 г.) / ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 650 с.
27. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебренниковой. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 348 с.
28. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / ред. Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 524 с.
29. Уголовный кодекс Турции / под ред. Н. Сафарова, Х. Бабаева. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 374 с.
30. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) / В.Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. — 2015. — № 2. — С. 54–60.
31. Гавердовская В.И. К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве / В.И. Гавердовская // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. — 2009. — № 1. — С. 9–13.
32. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. — Москва : Контракт, 2014. — 559 с.
33. Прохоров Л.А. Уголовное право / Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова. — Москва : Юрист, 2004. — 479 с.
34. Жарких Е.А., Прохоров Л.А. Изменение судом категории преступления: «вторжение» в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия / Е.А. Жарких, Л.А. Прохоров // Российский следователь. — 2016. — № 9. — С. 31–35.
35. Жарких Е.А. Функционально-ролевое содержание института рецидива преступлений в процессе индивидуализации наказания и его исполнения: трансформация законодательных подходов в нормах уголовного права / Е.А. Жарких // Российский следователь. — 2017. — № 9. — С. 27–34.
36. Жарких Е.А. Генезис рецидива преступлений как количественно-качественной основы формирования профессиональной и организованной преступности / Е.А. Жарких // Общество и право. — 2016. — № 3. — С. 98–101.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of Russian Language. 80, 000 Terms]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p.
2. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Problems Improve the Efficiency of SOCIAL Adaptation of Persons Released from Places of Imprisonment. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 3, pp. 208–213. (In Russian).
3. Chainey S., Curtis-Ham S., Evans R.M., Burns G. Examining the Extent to which Repeat and Near Repeat Patterns can Prevent Crime. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*, 2018, vol. 41, iss. 5, pp. 608–622.
4. Humphrey T., Van Brunschot E.G. Measurement Matters: Offense Types and Specialization. *Journal of Interpersonal Violence*, 2021, no. 36, pp. 46–69. DOI: 10.1177/0886260517729401.
5. Leung P.C., Looman J., Abracen J. To Reoffend or Not to Reoffend? An Investigation of Recidivism Among Individuals with Sexual Offense Histories and Psychopathy. *Sex Abuse*, 2021, vol. 33, iss. 1, pp. 88–113.

6. Lovell D., Gagliardi G.J., Peterson P.D. Recidivism and Use of Services Among Persons with Mental Illness after Release from Prison. *Psychiatric Services*, 2002, vol. 53, iss. 10, pp. 1290–1296.
7. Miller B.L., Ellonen N., Boman J.H., Dorn S., Suonpää K., Aaltonen O., Oksanen A. Examining Sanction Type and Drug Offender Recidivism: A Register-Based Study in Finland. *American Journal of Criminal Justice*, 2021, Jan. 7. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs12103-020-09592-8.pdf>.
8. Luigi M., Dellazizzo L., Giguère Ch.-É., Goulet M.-H., Potvin S., Dumais A. Solitary Confinement of Inmates Associated with Relapse into Any Recidivism Including Violent Crime: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Trauma Violence Abuse*, 2020, Sept. 16. DOI: 10.1177/1524838020957983.
9. Platon. *Sochineniya* [Collection of Works]. Saint-Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2007. Vol. 3, 526 p.
10. Bekkaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 184 p.
11. Kant I.; Asmus V.F., Gulyga A.V., Oizerman T.I. (eds.). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. Vol. 4, pt. 2. 544 p.
12. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
13. Marat Zh.P.; Volgin V.P., Manfrend A.Z. (eds.). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. Vol. 1. 360 p.
14. Montesquieu Ch. *O dukhe zakonov. Izbrannye proizvedeniya* [The Spirit of Laws]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 800 p.
15. Voltaire F. *Izbrannye proizvedeniya po ugovnomu pravu i protsessu* [Selected Works on Criminal Law and Procedure]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 339 p.
16. Lombroso C. *Criminal Woman, the Prostitute, and the Normal Woman*. Duke University Press Books, 1950. 360 p. (Russ. ed.: Lombroso C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo. Zhenshchina-prestupnitsa i prostitutka. Lyubov' u pomeshannykh*. Minsk, Popurri Publ., 1998. 387 p).
17. List F. *Zadachi ugovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie* [The Tasks of Criminal Policy. Crime as a Socially Pathological Phenomenon]. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 103 p.
18. Kriger G.A. Differentiation Grounds and Limits Criminal Liability. In Kudryavtsev V.N. (ed.). *Sovershenstvovanie mer bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii* [Improvement Measures Fight Crime in Terms of Scientific and Technical Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 296 p.
19. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Liability. Theory and Legislative Practice]. Moscow, Norma Publ., 2000. 400 p.
20. Maksimov A.M. Differentiation of Criminal Responsibility for Crimes Against Safety of the Animal Life: Polemical Aspects of Legislative Regulation. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 18, pp. 27–30. (In Russian).
21. Kruglikov L.L., Vasilevskii A.V. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave* [The Differentiation of Liability in Criminal Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 300 p.
22. Zharkikh E.A. Criminal and Administrative Legal Repeated Offense: Things in Common. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 19, pp. 23–26. (In Russian).
23. Ivanchin A. About Advantage of Reasonable Use of an Administrative Prejudition in Criminal Law (in Connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017, no. 2-p). *Ugovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 50–53. (In Russian).
24. Prokhorova M.L., Luparev E.B., Gorenko M.G. Administrative Prejudice in Criminal Law: pro et contra. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2019, no. 12, pp. 40–46. (In Russian).
25. Dvornikov A. The Problems of Criminal Liability for Repeat Drink Driving. *Ugovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 2, pp. 39–46. (In Russian).
26. Code Penal et du Nouveau Code Penal Francais. Dalloz, 1992. (Russ. ed.: Golovko L.V., Krylova N.E. (eds.). *Ugovnyi kodeks Frantsii. Prinyat v 1992 g.* Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsent Press Publ., 2002. 650 p.).
27. The Swiss Penal Code. Dalloz, 1992. (Russ. ed.: Serebrennikova A.V. (ed.). *Ugovnyi kodeks Shveitsarii*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsent Press Publ., 2002. 348 p.).
28. Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13 November 1998. (Russ. ed.: Shestakov D.A. (ed.). *Ugovnyi kodeks Federativnoi Respubliki Germanii*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsent Press Publ., 2003. 524 p.).
29. Criminal Code of Turkey. *Official Gazette*. 2004, no. 25611, Oct. 12 (Russ. ed.: Safarov N., Babaev Kh. (eds.). *Ugovnyi kodeks Turtsii*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsent Press Publ., 2003. 374 p.).
30. Yuzanin V.E. Responsibility for Repeated Recidivism According to the Law of Russia (Historical Aspect). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2015, no. 2, pp. 54–60. (In Russian).
31. Gaverdovskaya V.I. To the Question of the Formation of the Institute of Relapse in Domestic Criminal Law. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of the Samara Academy of Humanities. A Series of «Right»*, 2009, no. 1, pp. 9–13. (In Russian).
32. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (eds.). *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow, Kontrakt Publ., 2014. 559 p.
33. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. *Ugovnoe pravo* [Criminal Law]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 479 p.
34. Zharkikh E.A., Prokhorov L.A. Crime Reclassification by the Court: Substitution of «Intrusion» for the Crime Repetition Institution and its Criminal Law Consequences. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 9, pp. 31–35. (In Russian).
35. Zharkikh E.A. Functional and Role-Based Composition of the Offence Repetition Institute in the Course of Punishment Individualization and Execution: Transformation of Legislative Estimations in the Criminal Law Statutes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 9, pp. 27–34. (In Russian).
36. Zharkikh E.A. Genesis of Recidivism as the Quantitative-Qualitative Bases of Formation of Professional and Organized Crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 3, pp. 98–101. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жарких Екатерина Александровна — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: zharkikh.kat@mail.ru.

Максимов Афет Максимович — помощник судьи Нижегородского областного суда, доктор юридических наук, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: am888.krr@gmail.com.

Прохоров Леонид Александрович — профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: hooligang@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Жарких Е.А. Рецидив преступлений как правовая предпосылка дифференциации уголовной ответственности: концептуальные подходы российских и зарубежных законодателей / Е.А. Жарких, А.М. Максимов, Л.А. Прохоров. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).361-371 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 3. — С. 361–371.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zharkikh, Ekaterina A. — Lecturer, Chair of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Ph.D. in Law, Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: zharkikh.kat@mail.ru.

Maksimov, Afet M. — Assistant to the Judge, Nizhny Novgorod Regional Court, Doctor of Law, Nizhny Novgorod, the Russian Federation; e-mail: am888.krr@gmail.com.

Prokhorov, Leonid A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of Russia, Honored Lawyer of Russia; Krasnodar, the Russian Federation; e-mail: hooligang@mail.ru.

FOR CITATION

Zharkikh E.A., Maksimov A.M., Prokhorov L.A. Recidivism as legal background for the differentiation of criminal liability: conceptual approaches of russian and foreign legislators. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 361–371. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).361-371. (In Russian).